

**ВОПЛОЩЕНИЕ «ГРОЗНОГО ЧУВСТВА» В РОМАНЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЁННЫЕ»¹**

**THE EMBODIMENT OF THE "THUNDERSTORM FEELING"
IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "HUMILIATED AND INSULTED"**

Аннотация. Исследование посвящено установлению и описанию сложных взаимосвязей биографического, эпистолярного и художественного текстов Ф. М. Достоевского на примере романа «Униженные и оскорбленные» (1861). Автор статьи рассматривает данные процессы через способы и особенности воплощения автобиографического образа «грозное чувство» на разных уровнях произведения: мотивном, ситуационном, хронологическом, жестовом, реминисцентном, жанровом, образном.

Abstract. The research is devoted to the establishment and description of the complex interrelations of the biographical, epistolary and artistic texts of F. M. Dostoevsky on the example of the novel "Humiliated and Insulted" (1861). The author of the article demonstrates these processes through the approaches and features of the embodiment of the autobiographical image of the "thunderstorm feeling" at different levels of the work: motivational, situational, chronotopic, gestural, reminiscential, genre, imaginative.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, автобиографический роман, «Униженные и оскорбленные», «грозное чувство», эпистолярный, художественный образ, Кузнецк

Key words: F. M. Dostoevsky, autobiographical novel, "Humiliated and insulted", "thunderstorm feeling", epistolary, artistic image, Kuznetsk

В современном достоевковедении проблема сосуществования и взаимовлияния эпистолярного и художественного текстов, установления и описания их сложных связей с биографией писателя остается одной из актуальных. В данной статье эти процессы будут рассмотрены через воплощение автобиографического образа «грозное чувство». Материалом для научных наблюдений станет роман «Униженные и оскорбленные» (1861).

Образ «грозного чувства» был вербализован Ф. М. Достоевским в эпистолярном тексте во времена кузнецких событий. Попытка описания фено-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002 «Языковая личность в региональном социокультурном пространстве: режимы производства локального знания о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского».

мена «грозного чувства» в эпистолярной, определения компонентов его семантического значения отчасти была предпринята нами в монографии «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов»¹, где раскрыта специфика переписки писателя той поры в целом.

На материалах городской газеты «Кузнецкий рабочий» XX – начала XXI веков образ «грозного чувства» исследовала И. А. Пушкарева, утверждающая, что он входит в число выразительных и часто повторяемых в публицистике «ключевых репрезентантов» для «регионально маркированных ментально-стилистических образований, связанных с мыслью о роли кузнецких событий в жизни и творчестве писателя» [29, с. 256].

Письма Достоевского во времена кузнецких событий наиболее полно представляют «грозное чувство». Оно может вовсе не называться, «растворяться» в эпистолярном тексте, но качество переживания, которым охвачен автор, его важнейшие семантические компоненты, мотивы, эмоциональная окраска, явно указывают на это.

Впервые слово-образ «грозное чувство» возникло в послании писателя к Н. Д. Фонвизиной в конце января – двадцатых числах февраля 1854 года:

Я в каком-то ожидании чего-то; я как будто все еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени должно случиться что-нибудь решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то и что будет что-нибудь, может быть тихое и ясное, может быть грозное, но во всяком случае неизбежное. Иначе жизнь моя будет жизнь манкированная. А может быть, это все большие бредни мои! (28/1, с. 177).

Данный эпистолярный фрагмент акцентирует внимание на нескольких содержательных элементах образа «грозное чувство».

Во-первых, на его сложной структуре, имеющей несколько периодов развития, в том числе – фазу предчувствия, предугадывания. Эмоциональный фон фазы предощущений, то есть своеобразного пролога к «грозному чувству», соотносится с состоянием душевного и творческого кризиса. Он переживается личностью в виде физического недомогания, потому сопровождается мотивами бреда, болезни.

Во-вторых, «грозное чувство» всегда возникает на грани, в момент приближения к кульминационной развязке долгого мучительного состояния; например, творческого застоя. Это – «что-нибудь решительное», гло-

¹ Трухан Е. Д. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов: монография. – Новокузнецк–Красноярск: Sitall, 2021. – 220 с.

бальная перемена, резкий удар, долженствующий разрубить узел застарелых проблем, вывести из состояния депрессии и стагнации. В этом смысле используемое Ф. М. Достоевским слово близко к значениям, зафиксированным в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» под редакцией Н. Абрамова (Н. А. Переферковича): «молниеносный», «жестокый», «суровый», «опасный», «роковой», «рискованный», «пасмурный» [13].

В-третьих, зарождение чувства происходит в антиномичной ситуации, потому оно несет в себе такую же семантику. Отсюда – и непредсказуемость, неопределенность в разрешении обстоятельств, широкая вариативность конечных результатов. «*Может быть тихое и ясное, может быть грозное*», – предполагает, но не определяется окончательно писатель.

И, наконец, «грозное чувство» – эмоция неизбежная, то есть предначертанная личности Богом и судьбой. Человеку, которому суждено пережить «грозное чувство», требуется немало сил, нужны эмоциональная и психологическая зрелость, чтобы принять его во всей многогранности оттенков, как явление неординарное – одновременно губительное, разрушающее и возрождающее, очищающее. В этом смысле эпитет «грозное» приближается по своему значению к лексемам «роковой», «опасный», «рискованный», подобранным в качестве синонимов в словаре под редакцией Н. Абрамова (Н. А. Переферковича) [13]. Но даже при том, что «грозное чувство» несет в себе роковые смыслы, ставит под угрозу человеческое существование, по Достоевскому, жизнь без него – неудача, «*жизнь манкированная*».

Второй раз свое чувство любви к М. Д. Исаевой писатель вновь именует «грозным» в письме к А. Е. Врангелю от 23 марта 1856 года:

Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь. Теперь я лежу у себя <ирзб.>. Неподвижная идея в моей голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь Вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Беденькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее этим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь ее. Тут были и угрозы, и ласки и униженные просьбы, не знаю что (28/1, с. 212).

В данном случае в семантическое поле образа «грозное чувство», кроме основного значения «грозный», то есть «*внушающий ужас, страшный, суровый, ужасающий, ужасный, представляющий опасность, пугающий, гневный, жестокий*» [14], «*содержащий в себе угрозу, угрожающий*» [15], «*грозящий опасностью, бедой, гибелью*» [16], добавляются новые

смыслы и коннотации, наслаиваются свежие мотивы, жесты и эмоциональные реакции. Прежде всего, обмороки, слезы, овладение «неподвижной идеей»¹ сознанием автора письма, особое оцепенение, безысходность и полного моральное истощение, вплоть до мыслей об убийстве и самоубийстве. «Грозное чувство» раскрывает глубины страдания личности. В крайних формах оно одолевает, задавливает человека, вызывая обездвиженность его сознания и неминуемую гибель в накале страстей. При этом человек переживает одновременное погружение в черную бездну, внутреннюю пропасть и высшую степень счастья от нахлынувшей полноты бытия.

«Грозное чувство» «рифмуется» у Достоевского с громом, что имеет повышенную семантическую значимость в контексте данного исследования. В словарях Д. Н. Ушакова [15] и Т. Ф. Ефремовой [16] отмечена важная деталь: в старину в просторечном употреблении прилагательные «грозный» и «грозовой» имели одинаковое значение, то есть были синонимами. В настоящее время семантические связи между ними утрачены, слова составляют паронимическую пару. Тем не менее, для понимания феномена «грозного чувства» Ф. М. Достоевского и особенностей его воплощения в романе «Униженные и оскорбленные» этот факт невероятно важен. Именно поэтому стоит привести значения слова «грозовой» из словаря Т. Ф. Ефремовой: «соотносящийся по значению с существительным «гроза», связанный с ним»; «свойственный грозе, характерный для нее»; «сопровождающийся грозой», «обильный грозами» [16].

Следует отметить, что при переводе на английский язык «грозное чувство» как образное словосочетание Достоевского теряет многие смыслы. Оно остается или «terrible feeling» («страшным, ужасным чувством»), или всего лишь «formidable, an amazing» – «удивительным, потрясающим». На наш взгляд, актуализация существовавших ранее семантических связей между «грозный» и «грозовой», а также появление в эпистолярной литературе писателя образа грома, способствуют поиску наиболее адекватного, приближенного к авторской стилистике варианта перевода словосочетания на английский язык: «грозное чувство» – это «thunderstorm feeling».

Сопоставление писем Ф. М. Достоевского и текста романа «Униженные и оскорбленные» позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в художественной ткани произведения воплощен образ «грозного чувства», пережитый автором в 1850–1860-е годы и запечатленный сначала в его эпистолярном наследии. На наш взгляд, именно изображение «грозного чувства»,

¹ Возможно, под «неподвижной идеей» Ф. М. Достоевский понимает и ее окончательное оформление в виде письменного слова, мысли, неистребимого проговоренного желания. Сравним: Ф. М. Достоевский – Е. И. Якушкину, 23 ноября 1857 года: «Во мне крепкая уверенность, что я буду этот год в Москве. Это обратилось во мне в неподвижную идею» (28/1, с. 293).

страстного и сильного переживания, более всего формирует автобиографический¹ пласт «Униженных и оскорбленных».

О том, что Ф. М. Достоевский изображает в романе именно «грозное чувство», а не что-то иное, свидетельствуют многие факторы.

Прежде всего, возникновение замысла, датируемое 1857 годом. Исследователь П. Г. Пустовойт сообщает, что появление у писателя мыслей о новом произведении следует отнести к 1857 году по содержащимся в нем разговорам о подготовке правительственных реформ, гласности и прогрессе², актуальным в пору так называемой «либеральной весны» [28, с. 314]. На 1857 год указывает и эпистолярный источник: 3 ноября Достоевский сообщает брату Михаилу о намерении написать «роман из петербургского быта, вроде «Бедных людей» (а мысль еще лучше «Бедных людей»)» (28/1, с. 289).

В биографии писателя указанный год непосредственно связан с «грозным чувством»: это – дата-маркер, знаменующая его формальное разрешение. 6 февраля 1857 года в Олигитриевской церкви города Кузнецка Ф. М. Достоевский венчается с М. Д. Исаевой; их двухлетняя переписка и «грозное чувство» завершаются официальным браком. Поэтому история романного замысла, зародившаяся в 1857 году, вызывает устойчивые ассоциации именно с «грозным чувством».

Затем не стоит оставлять незамеченными высказывания ученых о взаимосвязи автобиографической составляющей «Униженных и оскорбленных» и с эстетическими поисками, и с художественным экспериментом автора на новом литературном этапе. Некоторые литературоведы, например, И. А. Алтухова, Е. А. Федорова, В. И. Этов, Н. Ф. Буданова, называют это произведение экспериментальным и переходным для Достоевского. При этом каждый из филологов по-разному трактует отмеченные свойства. Не

¹ Многие достоевскоеды называют роман «Униженные и оскорбленные» автобиографическим (Н. Ф. Буданова, Б. И. Бурсов, И. Л. Волгин, Л. И. Сараскина, В. С. Нечаева, Е. П. Саруханян). Этот аспект, как правило, связывается с сюжетной линией начинающего литератора Достоевского. Так, в комментарии к «Униженным и оскорбленным» Н. Ф. Буданова заостряет внимание на автобиографическом характере персонажа – бедного петербургского разночинца Ивана Петровича, одновременно рассказчика и действующего лица, его литературном дебюте, «восторженной оценке его первого романа «критиком Б.» (то есть В. Г. Белинским), взаимоотношениях молодого писателя с его «антрепренером» (издателем), «крахе <...> литературных надежд» [4]. Автобиографизм на уровне художественного образа находит в «Униженных и оскорбленных» В. Н. Захаров [21, с. 27]. Автобиографические упоминания, сюжетные переключки, мотивы и аллюзии, а также следы автобиографизма в названиях журналов отмечает Е. А. Федорова [36, с. 304].

² Ф. М. Достоевский, «Униженные и оскорбленные» (часть 3, глава II): «Мы говорим о гласности, о начинающихся реформах, о любви к человечеству, о современных деятелях...» (3, с. 310).

отрицая их позиций, подчеркнем, что нам наиболее близка экспериментальность в интерпретации В. И. Этова:

Это первое многопроблемное, многоплановое произведение Достоевского, стоящее в преддверии его программных социально-философских романов. В известной мере «Униженные и оскорбленные» можно назвать «экспериментальным» романом Достоевского, эскизом его будущих творческих композиций. В нем собраны многие мотивы, ситуации, опробованы новые принципы изображения, которые затем будут успешно использованы писателем [39, с. 312].

Добавим, что «Униженные и оскорбленные» можно прочитать и как попытку Ф. М. Достоевского в жанре авантюрно-мелодраматического романа, что ранее подмечал К. В. Мочульский¹, не просто в деталях представить внутреннее состояние персонажей, охваченных «грозным чувством», а показать этот стихийный феномен как самостоятельный образ, растворенный во всей ткани повествования. Наблюдая над процессом его полноценного воплощения в романе, мы выявили несколько важных текстовых уровней, где это происходит наиболее ярко и сложно, стилистически богато.

Во-первых, назовем литературные обстоятельства, внутри которых реализуется «грозное чувство». Это остросюжетные, мелодраматические по своему характеру, сюжетообразующие ситуации: любовный треугольник (Наташа – Алеша – Иван Петрович, Наташа – Алеша – Катя); соблазнение, поругание и оскорбление чести женщины, а значит – чести семьи (Наташа – семья Ихменевых, Елена – семья Смит); измена и обман в парах (Елена и князь Валковский, Наташа и Алеша, Наташа и Иван Петрович); пребывание рассказчика на грани смерти (Ф. М. Достоевский и Иван Петрович)².

Некоторые из указанных ситуаций, как и персонажи, усложняются в художественном мире Достоевского, словно отражаясь в зеркале, чем продолжают любимую автором идею двойничества. Например, удваиваются фабулы: история Наташи Ихменевой и история Елены. Развитие сюжетных линий, ситуаций в русле идеи двойничества часто приводит к деформации

¹ К. В. Мочульский писал: «Роман-фельетон Достоевского должен быть признан одним из удачнейших образцов этого литературного жанра. Зависимость его от мелодраматических авантюрных романов Фредерика Сулье, Эжена Сю, Виктора Гюго, и Диккенса вполне очевидна, но в старые формы автор вложил новое психологическое и идейное содержание» [23, с. 103].

² Сравним: Ф. М. Достоевский – В. Д. Констант, около 30 ноября 1857 года: «Знаете ли, у меня есть какой-то предрасудок, предчувствие, что я должен скоро умереть. Такие предчувствия бываюи почти всегда от мнительности; но уверяю Вас, что я в этом случае не мнителен и уверенность моя в близкой смерти совершенно хладнокровная» (28/1, с. 293). Писатель Иван Петрович: «Я сидел тогда за большим романом; но дело все-таки кончилось тем, что я — вот ясел теперь в больнице и, кажется, скоро умру. А коли скоро умру, то к чему бы, кажется, и писать записки?» (3, с. 177).

вещей, понятий, даже сущности человека, вплоть до их подмены. Например, Анна Андреевна Ихменева точно определяет разницу между живым разговором, имеющим ценность, и заменяющим его двойником – коротким письмом:

... письмом-то ты меня только раздразишь. Ну что десять строк! Захочется подробнее расспросить, а тебя-то и нет (3, с. 278).

Или Наташа исповедуется Ивану Петровичу в части I, главе VIII:

...он только обманывает меня и только кажется таким правдивым и искренним, а сам злой и тщеславный! Я вот теперь защищаю его перед тобой; а он, может быть, в эту же минуту с другою и смеется про себя... (3, с. 199).

Во-вторых, «грозное чувство» отличает особая, не совпадающая с реальностью, интенсивность протекания времени. Те, кто попадает под его влияние, оказываются в рамках особого хронотопа – внутри себя, где время жизни чувства сильно удлиняется, вплоть до времени всей жизни. Так, в части 4, главе VI Наташа говорит Ивану Петровичу о своей любви к Алеше:

– Вот и кончилось все. <...> Вот и кончилась наша любовь. Полгода жизни! И на всю жизнь... (3, с. 400).

Или в части I, главе VI Иван Петрович резюмирует:

... можно прожить десять лет в один год, и прожила в этот год десять лет и моя Наташа. Бесконечность легла между нами... (3, с. 191).

В-третьих, присутствие «грозного чувства» маркируют характерные жесты персонажей, не только раскрывающие психологическое состояние, но и формирующие символический пласт романа. Среди них – целование рук, коленопреклонение, маятниковые шаги женщины по комнате со сложенными на груди руками, гневные плевки в лицо персонажа-антагониста, швыряние денег, крики и обмороки, слезы и др.:

... Он вбежал ко мне в отчаянии, обнял меня, упал ко мне на грудь и зарыдал как ребенок (3, с. 389).

Обе, обняв одна другую, заплакали. Катя села на ручку кресел Наташи, не выпуская ее из своих объятий, и начала целовать ее руки.

– Если б вы знали, как я вас люблю! – проговорила она плача. – Будем сестрами, будем всегда писать друг другу... а я вас буду вечно любить... я вас буду так любить, так любить... (3, с. 398).

Оно (письмо – Е. Т.) было на двух листах, написано отрывочно, беспорядочно, наскоро и неразборчиво, закатано чернилами и слезами (3, с. 426).

В письмах Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов, где зародилось «грозное чувство», без особого труда находятся параллели многим жестам. Например, целование рук и слезы:

Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого (28/1, с. 235).

С ним я сошелся: он плакал у меня, но он только и умеет плакать!
(28/1, с. 236).

В-четвертых, для «грозного чувства» свойственен внезапный внутренний слом, который происходит в середине страстного любовного переживания. Это эмоциональное состояние расколотости Достоевский сравнивает и в эпистолярном, и в художественном тексте с сокрушающим ударом грома. Предпосылкой к нему и к гибели «грозного чувства», как правило, выступает изначально существующее неравенство в союзе мужчины и женщины:

– *Видишь, Ваня: ведь я решила, что я его не любила как ровню, так, как обыкновенно женщина любит мужчину. Я любила его как... почти как мать. Мне даже кажется, что совсем и не бывает на свете такой любви, чтоб оба друг друга любили как равные, а? Как ты думаешь?* (3, с. 400);

Он силится доказать, что союз их невозможен, что посторонние враждебные влияния сильнее всего и что, наконец, так и должно быть: и он и Наташа вместе будут несчастны, потому что они неровня (3, с. 426).

В-пятых, «грозное чувство» сопровождается «фоновыми» художественными текстами других авторов. В «Униженных и оскорбленных» это – произведения, которые вносят мелодраматические, сентиментальные, элегические ноты: «Колокольчик» Я. П. Полонского, «Зимняя дорога» А. С. Пушкина, «Альфонс и Далинда» С. Ф. Жанлис, народная песня «Ах, мой милый Августин»... Аллюзии и реминисценции – характерная примета не только для художественного слова, но и для эпистолярия Достоевского. Корпус подобных текстов служит своеобразной контрастной рамой «грозному чувству», совпадает и одновременно различается по тематике и мотивам с ним, как могут совпадать и различаться реальность и литература, сказка и жизнь.

В-шестых, воплощение «грозного чувства» обнажает его крепкие связи с образом письма, с письмом как категорией, с разными видами и аспектами эпистолярного текста в широком смысле слова. Судьбоносными письмами и записками постоянно обмениваются все персонажи романа. Так, в личном письме Елены сокрыта тайна ее дочери Нелли. Иван Петрович не только сотрудничает с журналами и пишет *«большую, хорошую вещь»*, но и работает почтальоном для других героев романа: Наташи и Алеши, Наташи и ее родителей. Он же, загруженный многочасовой, изматывающей работой за письменным столом, сравнивается с загнанной «почтовой клячей» – автобиографическим образом Ф. М. Достоевского:

... По журналистам теперь промышляешь?

– *Да, Маслобоев.*

– *Значит, в почтовые клячи записался?*

– Похоже на то.

– Ну, так на это я, брат, вот что скажу: пить лучше! <...> тебе всякое хотение запрещено, ибо ты почтовая кляча» (З, с. 266);

– Ты только истощишься. Ваня, – говорит она мне, – изнасилуешь себя и истощишься; а кроме того, и здоровье погубишь. Вон С***, тот в два года по одной повести пишет, а N* в десять лет всего только один роман написал. Зато как у них отчеканено, отделано! Ни одной небрежности не найдешь.

– Да, они обеспечены и пишут не на срок; а я – почтовая кляча! (З, с. 426).

Но при этом запись впечатлений, чувств и событий действует на автора целительно:

Вспоминается мне невольно и беспрерывно весь этот тяжелый, последний год моей жизни. Хочу теперь все записать, и, если б я не изобрел себе этого занятия, мне кажется, я бы умер с тоски. Все эти прошедшие впечатления волнуют иногда меня до боли, до муки. Под пером они примут характер более успокоительный, более стройный; менее будут походить на бред, на кошмар. Так мне кажется. Один механизм письма чего стоит: он успокоит, расхолодит, расшевелит во мне прежние авторские привычки, обратит мои воспоминания и большие мечты в дело, в занятие... (З, с. 177–178).

И, наконец, отдельного разговора в контексте исследования заслуживают мотивы, сопровождающие «грозное чувство». Они сосуществуют в сложном запутанном сплетении и смысловых переливах. Это – мотивы болезни, жертвы и самопожертвования, смерти, страдания и самоистязания, боли и внутреннего чада (смрада), гибели счастья, потребности чувствовать себя несчастным, сумасшествия, духовного рабства, безграничного альтруизма, чрезвычайной набожности в сочетании с переступанием через черту дозволенного... Многие из них уже звучали в эпистолярных посланиях Ф. М. Достоевского в 1855–1857 годы. Особенно впечатляющи у Достоевского мотивы, раскрывающие внутренний мир и взаимоотношения литературных персонажей, охваченных «грозным чувством». К примеру, мотив странной и необъяснимой связи героев (Алеша и Наташа, Наташа и Иван Петрович), мотив эгоизма в любви (Наташа, Алеша), мотив предварительного знакомства с человеком через фотоизображение (Наташа и Катя), мотив врага-соперника (Наташа Ихменева, Алеша Валковский, Николай Сергеич Ихменев, Нелли):

Она была как взбешенная и как будто сама ощущала наслаждение в этом бешенстве, как будто сама сознавала, что это и стыдно и нехорошо, и в то же время как будто поджигала себя на дальнейшие выходы» (З, с. 384).

– Я уже видела вашу фотографию, – сказала Катя, – мне показывал Алеша.

– Что ж, похожа я на портрете?

– Вы лучше, – ответила Катя решительно и серьезно. – Да я так и думала, что вы лучше» (3, с. 397).

Мотив братско-сестринских отношений, обращающий нас к православному традициям, пожалуй, является одним из доминирующих в романе. К примеру:

Он <...> беспрерывно повторял, что он любит Катю только как сестру, как милую, добрую сестру, которую не может оставить совсем, что это было бы даже грубо и жестоко с его стороны... (3, с. 319).

...я понял, что в ней совсем другое желание, что она просто любит меня, любит бесконечно, не может жить без меня и не заботиться о всем, что до меня касается, и я думаю, никогда сестра не любила до такой степени своего брата, как Наташа любила меня (3, с. 427).

Подобное мы встречали и в переписке Достоевского:

Я все это нашел в Вас; родная сестра не была бы до меня и до моих недостатков добрее и мягче Вас (28/1, с. 187).

Я попросил у Вас денег, как у друга, как у брата, в то время, в тех обстоятельствах, когда или петля остается, или решительный поступок (28/1, с. 241).

Часто мотив христианского родства переплетается с мотивом письма и мелких подробностей в нем, которые и есть, по Достоевскому, важнейший компонент послания, деятельный инструмент выстраивания и сохранения отношений между людьми. Так, молодой князь Валковский, называя Ивана Петровича братом, настоятельно просит писать ему:

– Вся надежда на вас, – говорил он мне, сходя вниз. – Друг мой, Ваня! Я перед тобой виноват и никогда не мог заслужить твоей любви, но будь мне до конца братом: люби ее, не оставляй ее, пиши мне обо всем как можно подробнее и мельче, как можно мельче пиши, чтоб больше уписалось. Послезавтра я здесь опять, непременно, непременно! Но потом, когда я уеду, пиши! (3, с. 402).

Лейтмотив братско-сестринского родства соседствует с другими христианскими мотивами: милостыни и дарования прощения, растравления раны, наслаждения болью, эгоизма и счастья в страдании:

Мне показалось, что она сама нарочно растравляет свою рану, чувствуя в этом какую-то потребность, – потребность отчаяния, страдания... И так часто бывает это с сердцем, много потерявшим! (3, с. 401).

Предшественники этих мотивов присутствуют в эпистолярном наследии Достоевского во времена кузнецких событий:

Это ангел божий, который встретился мне на пути, и связало нас страдание (28/1, с. 245).

Бог мой, – разрывается сердце мое. Ее счастье я люблю более моего собственного (28/1, с. 235).

Итак, анализ компонентов чувственного переживания в «Униженных и оскорбленных» позволяет утверждать, что в нем описано «грозное чувство» к М. Д. Исаевой, испытанное писателем в середине XIX века и запечатленное в его переписке той поры. Добавим, что в конце 1850-х – начале 1860-х годов Достоевский вынашивал замысел автобиографической повести «Весенняя любовь», сюжет которой был, как и «Униженные и оскорбленные», мелодраматичен, но существовал в четырех вариантах [19, с. 298–300]. Об этом замысле упоминает в письмах и мемуарах сибирский друг писателя А. Е. Врангель. Достоевский собирался превратить свои творческие наброски в отдельный роман или использовать их как часть другого романа¹. Замысел «Весенней любви» отчасти был осуществлен в романе «Униженные и оскорбленные» в составе персонажей (Красавчик–князь–Литератор–Ивеста // Князь Валковский–Иван Петрович–Наташа), ситуации любовного треугольника, скандальном сюжете о поруганной женской чести и др.

Гипотезу о воплощении «грозного чувства» в романе «Униженные и оскорбленные» значительно укрепляет появление образа-символа грозы в VI–IX главах четвертой части, а также в эпилоге. В контексте исследования он обладает повышенной семантической значимостью, ведь в старину, как мы отмечали, паронимы «грозный» и «грозовой» были синонимичны.

Гроза в «Униженных и оскорбленных» является метафорой разрешения долгой, томительной и мучительной ситуации в жизни главных и второстепенных героев. Как и само «грозное чувство», образ грозы разворачивается в тексте романа постепенно, в виде мощного процесса, имеющего пролог, основную часть, кульминацию, эпилог. При описании грозы Достоевский использует прием параллелизма: погодное явление соотносится с развитием и разрешением отношений между персонажами.

Сначала (глава VI четвертой части) читатель предчувствует приближение грозы, слышит далекие раскаты грома:

Был уже третий час пополудни. Находила туча. Все последнее время погода стояла жаркая и душливая, но теперь послышался где-то далеко первый, ранний весенний гром. Ветер пронесся по пыльным улицам (3, с. 407).

¹ Ф. М. Достоевский предваряет конспективные записи «Новые идеи романов, драм, повестей» следующей заметкой о «Весенней любви»: «Идея повести, которую, впрочем, можно сделать началом романа» [19, с. 298].

В это время Нелли решается поехать к Ихменевым, чтобы рассказать исповедальную историю своей жизни.

Глава VII начинается с описания хмурой комнаты, где собрались действующие лица романа, для которых назрел момент объяснения, обновления отношений. За окном надвигается черная туча, слышны грозовые отзвуки – приметы природного обновления:

В комнате было сумрачно; надвигалась черная туча, и вновь послышался отдаленный раскат грома.

– Гром-то как рано в эту весну, – сказал старик... (3, с. 408).

Достоевский несколько раз подчеркивает, что гроза наступает рано: «ранний весенний гром», «гром как-то рано в эту весну». Возникает параллелизм ранней весенней грозы и чувства первой любви, слишком ранних, поспешных, скоропалительно незрелых решений.

В VIII главе романа гроза входит в следующую фазу – появляются первые капли дождя. Вновь присутствует параллелизм: дождь на улице – слезы на глазах и щеках у персонажей. Капли дождя в волосах Наташи Ихменевой, вбежавшей в мокрой одежде в родительский дом, «рифмуются» со слезами на ее глазах и на глазах ее родителей.

Образ грозы как часть «грозного чувства» получает в художественном тексте и традиционный семантический компонент – «ужасный, страшный». Гром устрашает и останавливает людей, влияет на них оцененяюще: *в эту минуту ... вдруг остановились* (3, с. 414). «Неподвижная идея» отражается в образе Нелли через болезненные припадки с замиранием, падением, бредом и истощными криками:

С ней был какой-то припадок, вроде обмирания. Это припадок повторялся с нею уже несколько раз (3, с. 432).

... вдруг страшный, ужасный крик вырвался из ее груди, судороги пробежали по лицу ее, и она в страшном припадке упала на пол (3, с. 291).

Подобное случается и с Наташей Ихменевой в минуты сурового выбора и страдания от стихийной страсти. К мотивам бреда и болезни применяется мотив сна:

– Ваня, – сказала она. – Ваня, ведь это был сон! – Что было сон? – спросил я. – Все, все, – отвечала она, – все, за весь этот год (3, с. 442).

В то же время гроза у Ф. М. Достоевского тесно связана с образом солнца, возрождающим и живоносным светом, с надеждой на лучшую жизнь в будущем:

– Я сказал, что дождь скоро пройдет. Вот и прошел, вот и солнышко (3, с. 416).

Солнечный луч – один из значимых символических образов романа. Он обязательно появляется в последних грозовых мгновениях как символ

вечной жизни, как спасительный свет – божественная рука, протянутая свыше простому человеку. Неслучайно в первой главе романа повествователь Иван Петрович, рассуждая о преодолении душевной угрюмости, пробуждении в сумраке мыслей новых ростков, восклицает:

Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека!
(З, с. 169).

«Грозный» и «грозовой» в тексте романа «Униженные и оскорбленные» соприкасаются и еще в одном аспекте. Его раскрыли историки А. М. Панченко и Б. А. Успенский в работе «Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха». Изучив коннотации слова «грозный» по отношению к личности Ивана IV, они пришли к выводу, что они связаны *«не с идеей тиранни, а с идеей величия. <...> Дело в контексте: эпитет «грозный» и существительное «гроза» появляются там, где речь идет о порядке в государстве, об обязанности монарха «исправляти и здержати» города и веси, «установити» определенные правила поведения в монастырях и в миру...»* [26]. Гроза – разрушительная и вместе с тем очищающая сила, ниспосланная с небес. Достоевскому после каторги требовалось что-то качественно новое, что кардинально сказалось бы на его творческой жизни и привело к литературной славе и процветанию. Таким импульсом стало «грозное чувство».

«Царская гроза» в свою очередь вызывает сакральные ассоциации с «божьей грозой». <...> Гроза как таковая с точки зрения русского человека той поры — божье наказание» [26]. В этом смысле слово «грозный» более раскрывается не как *«суровый и жестокий»*, а как *«величественный и внушающий божий страх»*, тот, которого следует бояться [17]. В народном быту в XIX веке сохранялось убеждение: нельзя противиться «божьей грозе», роптать на нее, она есть и божья воля, и божья милость, и особая благодатная отметка. «Бог посетил!» — говорили русские, описывая случившуюся с ними беду [26].

В романе «Униженные и оскорбленные» из уст старика-отца Николая Сергеевича Ихменева звучит слово благодарности Богу за каждую минуту жизни, благословения всех и вся, воздаяния божеству за суровые жизненные уроки, за скупой и долгожданный дар – луч солнца после грозы:

...о, благодарю тебя, Боже за все, за все, и за гнев твой и за милость твою!.. И за солнце твое, которое просияло теперь, после грозы, на нас! За всю эту минуту благодарю! О! пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вместе, и пусть, пусть теперь торжествуют эти гордые и надменные, унижившие и оскорбившие нас! Пусть они бросят в нас камень! Не бойся, Наташа... Мы пойдем рука в руку, и я скажу им: это моя дорогая, это возлюбленная дочь моя, это безгрешная дочь моя, которую

вы оскорбили и унизили, но которую я, я люблю и которую благословляю во веки веков!.. (З, с. 422).

Описание летней июньской грозы в эпилоге романа закрепляет все свершившиеся в нем события. «благословляет» разрешение «грозного чувства», приводит героев к мысли о другой жизни, которую вновь приходится строить, хоть и на обломках, но в свежести зарождающегося нового дня.

В романе «Униженные и оскорбленные» на разных текстовых уровнях (ситуационном, жестовом, мотивном, реминисцентном, хронотопическом, образном, жанровом) воплотились многие особенности автобиографического образа «грозное чувство». Мы узнаем его по кропотливым заметкам, мельчайшим подробностям и тайным знакам, которые Ф. М. Достоевский искусно расставляет в художественном тексте. Этот факт позволяет по-другому оценить краткие кузнецкие дни в его творческой биографии, а также пересмотреть значение переписки писателя 1855–1857 годов для формирования эстетики зрелых романов.

Изучение семантического значения лексемы «грозный» в составе словосочетания «грозное чувство» в эпистолярном и художественном дискурсах Достоевского приводит к интересному выводу: «грозный (-ая, -ое)» – характерная для его романной поэтики языковая единица. В ней сосуществуют стилевые компоненты разных полюсов, представляющие одну из доминантных черт авторского стиля – антиномичность. С одной стороны, она аккумулирует оттенки высокого стиля, присущие поэтической и публицистической речи, а с другой – эксплицирует просторечный элемент, часто встречающийся в бытовом словоупотреблении.

В заключение добавим, что лексема «грозный (-ое, ая)» в языковой системе Ф. М. Достоевского пока не стала самостоятельным объектом изучения. В настоящее время она не включена лингвистами в лексический строй идиолекта писателя. Отсутствует она и в первых трех выпусках «Словаря языка Достоевского», издаваемого под редакцией члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова (М: «Азбуковник», 2001–2002–2003). Такое положение дел, с одной стороны, затрудняет постижение темы, а с другой – напротив, открывает безграничные возможности для исследовательской работы. Изучение романа «Униженные и оскорбленные» – весомое тому подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтухова И. А. Героиня Ф. М. Достоевского в минуты страданий (роман «Униженные и оскорбленные») // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 4 (108). – С. 283–286.

2. Алтухова И. А. Роман Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». Из истории интерпретации // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 1 (18). – С. 116–119.

3. Архипова А. В. Семипалатинские замыслы Достоевского (у истоков «Униженных и оскорбленных») // Достоевский: материалы и исследования. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1996. – Т. 13. – С. 50–64.

4. Буданова Н. Ф. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15-ти томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. – Том 4. – С. 726–737. – Режим доступа: <https://rvb.ru/dostoevski/02comm/21.htm>, свободный (дата обращения: 02.09.2021).

5. Буданова Н. Ф. «Униженные и оскорбленные» // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. – СПб.: Пушкинский дом, 2008. – С. 181–185.

6. Бурсов Б. И. Личность Достоевского: роман-исследование. – Л.: Советский писатель, 1979. – 680 с.

7. Весенняя любовь / Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества. – Режим доступа: <https://fedordostoevsky.ru/works/unrealized/spring/>, свободный (дата обращения: 02.09.2021).

8. Волгин И. Л. Родные и близкие: Историко-биографические очерки // Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2012. 1232 с.

9. Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1856 // Две любви Ф. М. Достоевского. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992. – С. 31–173.

10. Габдуллина В. И. Вариации мотива «блудной дочери» в нарративе романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Проблемы исторической поэтики. – 2015. – № 13. – С. 234–252.

11. Габдуллина В. И. Притчевая основа романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 5. – С. 50–58.

12. Гальперина В. Г. Топография «Униженных и оскорбленных» // Достоевский: материалы и исследования. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1992. – Т. 10. – С. 147–154.

13. Грозный: словарная статья // Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов / Н. Абрамов (Н. А. Переферкович). 8-е изд. [Москва]: Русские словари [и др.], 2006 (Рыбинск: Рыбинский Дом печати). 665 с. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/32997/грозный, свободный (дата обращения: 07.09.2021).

14. Грозный: словарная статья // Толковый словарь русского языка: Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений / [Ахапкин Д.Н. и др.]; Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель [и др.], 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 989 с. (Словари Академии Российской). – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/866/грозный>, свободный (дата обращения: 07.09.2021).

15. Грозный: словарная статья // Толковый словарь русского языка: в 4-х томах / под редакцией Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Советская энциклопедия"; ОГИЗ; Государственное издательство иностр. и нац. словарей, 1935-1940. 88405 с. – Режим доступа: https://enc.biblioclub.ru/Termin/1132802_GROZNYIY, свободный (дата обращения: 07.09.2021).

16. Грозный: словарная статья // Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: около 1900 словообразоват. единиц / Т. Ф. Ефремова. 2-е изд., испр. – М.: Астрель АСТ, 2005. – 638 с. – Режим доступа: <https://znachenie-slova.ru/грозный>, свободный (дата обращения: 07.09.2021).

17. Грозный: словарная статья // Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Институт русского языка. Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 908 с. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/42878>, свободный (дата обращения: 07.09.2021).

18. Даниленко О. Д. Приемы психологического анализа в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 22–26.

19. Достоевский Ф. М. Новые идеи романов, драм, повестей // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: Наука, 1991. – Т. 10. – С. 298–300. – Режим доступа: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol10/02annex/02plans/37.htm>, свободный (дата обращения: 07.09.2021).

20. Загидулина М. В. Весенняя любовь // Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008. – С. 287–288.

21. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского: в 2-х томах. – М.: Русский мир, 2010. – Том 2. – С. 5–35.

22. Мезенцева С. В. Лейтмотив измены в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник науки. – 2018. – Т. 1. – № 9 (9). – С. 48–50.

23. Мочульский К. В. Достоевский: Жизнь и творчество – 1. réimpr. – Paris: YMCA-press, 1980. – 561 с. – Режим доступа: [http://classica.rhga.ru/upload/iblock/f33/37\)%20Мочульский.%20Достоевский.pdf](http://classica.rhga.ru/upload/iblock/f33/37)%20Мочульский.%20Достоевский.pdf)

24. Надырова С. Ф. Типология нарраторов в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Пятый этаж: сборник научных статей молодых ученых. – Барнаул, 2015. – С. 173–176.

25. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. – М.: Наука, 1972. – 317 с.

26. Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 457–478. – Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/i/Ivan_the_Terrible.html, свободный (дата обращения: 07.09.2021).

27. Поварова О. В. Мотив бегства из семьи в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 1 (70). – С. 52–55.

28. Пуустовойт П. Г. О романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные: роман. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1975. – С. 3–14.

29. Пушкарева И. А. Краеведческие доминанты в дискурсе городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) конца XX – начала XXI века: семантико-стилистический анализ: монография / И. А. Пушкарева; под ред. проф. Н. С. Бологновой: М-во науки и высшего образования РФ, Новокузнецкий ин-т (филиал) Кемеровского гос.

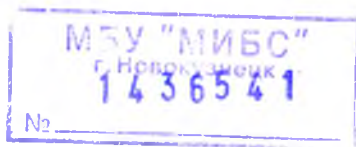
- университета. Изд. 2-е, исправленное. – Новокузнецк – Красноярск: НФИ КемГУ, Полиграфическая компания «Sitall», 2019. – 360 с.
30. Сараскина Л. И. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 825 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр. Выпуск 1320).
31. Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге: краеведческий очерк. –Л.: Лениздат, 1972. – 278 с.
32. Сафронова Е. Ю. Наказание в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: метафизика воздаяния // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 3–1 (87). – С. 134–142.
33. Семенищенкова Л. Л. «Роман Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: проблематика и особенности реализма»: дисс. канд. филол. наук. – Орел: Орловский гос. пед. ин-т, 1984. – 195 с.
34. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Выпуск 1–3/ Российской академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Главный редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2001–2003. – 512 с., 510 с., 558 с.
35. Трухан Е. Д. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов: монография. – Новокузнецк–Красноярск: Sitall, 2021. – 220 с.
36. Федорова Е. А. «Униженные и оскорбленные» как экспериментальный роман Ф. М. Достоевского // Ученые записки Новгородского государственного университета. – Нижний Новгород, 2021. – № 3 (36). – С. 303–306.
37. Шерварлы К. Г. Роль писателя в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Достоевский и мировая культура. – 2021. – № 2 (14). – С. 180–191.
38. Шумилова Т. Е. Авантюрные черты в романе «Униженные и оскорбленные» Федора Достоевского // Филологический журнал. – 2011. – № 1(18). – С. 43–44.
39. Этов В. И. О художественном своеобразии социально-философского романа Достоевского // Достоевский – художник и мыслитель. –М.: Художественная литература, 1972. – С. 312–443.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского» (г. Новокузнецк)
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
ФГБУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы

200-летию Ф. М. Достоевского посвящается

ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМЫ, ЖАНРЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Выпуск XIII

ОКР

Новокузнецк – Красноярск

2022

83,3P5
T28

*Музей Достоевского
г. Новокузнецк*

**ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ПРОБЛЕМЫ, ЖАНРЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Выпуск XIII